

Диакон Николай Борисов

Жизнь Черниговской епархии конца XIX — начала XX вв. на страницах губернаторских отчетов

УДК 94(470+571):930.2+271.2-772(477.51)-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_2_261
EDN NTBMEХ

Аннотация: В любую эпоху Церковь вовлечена в общественно-политическую жизнь государства, а государство, в свою очередь, в лице представителей центральной и местной административной власти также оценивает действия членов Церкви, как духовенства, так и мирян, а также некоторые события ее жизни. Зачастую все эти аспекты находят отражение в официальной документации. Подобное происходило и в позднеимперской России. В данной статье путем сравнительного анализа выявляется информация о религиозной жизни Черниговщины в отчетах представителей местной губернской администрации в период с 1881 по 1913 гг., а также выделяются центральные темы, которые губернаторы считали достойными внимания центральной власти. Они находили отражение в отчетной документации вне зависимости от занимающего пост начальника губернии. На основании данного перечня и оценочных суждений, содержащихся в отчетах о состоянии губерний, произведена попытка определить характер взаимоотношений между церковной и светской властью, а также отношение того или иного начальника губернии к вопросам религиозной жизни населения Черниговщины.

Ключевые слова: Российская империя, Русская Православная Церковь, духовенство, отчет о состоянии губернии, А. К. Анастасьев, Н. А. Маклаков, С. В. Шаховской, святитель Феодосий Черниговский, Черниговская губерния, Черниговская епархия.

Об авторе: **Диакон Николай Юрьевич Борисов**

Магистр теологии, аспирант Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: nikolai.borisovnikolay@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4198-3456>

Для цитирования: Борисов Н., диак. Жизнь Черниговской епархии конца XIX — начала XX вв. на страницах губернаторских отчетов // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 261–270.

Статья поступила в редакцию 04.01.2024; одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 12.03.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2024

Deacon Nikolay Borisov

**Life of the Chernigov Diocese
of the Late 19th – Early 20th Centuries
on the Pages of Governor's Reports**

UDK 94(470+571):930.2+271.2-772(477.51)-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_2_261
EDN NTBMEХ

Abstract: The Church is involved in the socio-political life of the state in any era, and the state, in its turn, through representatives of the central and local administrative authorities assesses actions of church members, both clergy and laity, as well as some events in church life. All these aspects are often reflected in official documents. The same thing happened in late imperial Russia. Using comparative analysis, information about religious life of the Chernigov region has been found out in the reports of representatives of the local provincial administration in the period from 1881 to 1913. Also highlighted are the central topics the governors considered to be worthy of the attention of the central government. The topics were reflected in the reports, regardless of the person who was the head of the province. Based on this list and the evaluative judgments of the reports on the state of the provinces, an attempt is made to determine the nature of the relationship between the church and secular authorities, as well as the attitude of this or that head of the province to the issues of religious life of the population of Chernigov region.

Keywords: Russian Empire, Russian Orthodox Church, clergy, report on the state of the province, A. K. Anastasiev, N. A. Maklakov, S. V. Shakhovskoy, St. Theodosius of Chernigov, Chernigov province, Chernigov diocese.

About the author: **Deacon Nikolai Yurievich Borisov**

Master of Theology, Postgraduate student of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: nikolai.borisovnikolay@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4198-3456>

For citation: Borisov N., deacon. Life of the Chernigov Diocese of the Late 19th – Early 20th Centuries on the Pages of Governor's Reports. *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 2, pp. 261–270.

The article was submitted 04.01.2024; approved after reviewing 10.02.2024; accepted for publication 12.03.2024.

Отчет начальника губернии наравне со срочными донесениями губернаторов был одним из важнейших источников, на основании которых у представителей центральных органов власти строилось представление о положении дел в провинции. На протяжении XIX в. данный вид отчетности претерпел значительные структурные изменения, которые отразились и на содержании документации.

Необходимо выделить два законодательных акта, регламентировавших изменения в структуре отчетов в посл. четв. XIX — нач. XX вв.: «Высочайше утвержденные формы или программы для составления губернаторских отчетов», изданные 19 июня 1870 г. (ПСЗРИ II, т. 45, ч. 1, 856–865), и «Высочайше утвержденная Программа для составления губернаторских отчетов», вышедшая 11 апреля 1897 г. в 3-м томе «Полного собрания законов Российской империи» (ПСЗРИ III, т. 17, ч. 1, 170–171).

Формы составления отчетов, утвержденные в 1870 г. вопреки принятой в 1837 г. программе, содержащейся в «Общем наказе гражданским губернаторам» (ПСЗРИ II, т. 12, ч. 1, 361–439), предполагали, что новая отчетность будет содержать лишь то, «что было достойно Высочайшего внимания» (ПСЗРИ II, т. 45, ч. 1, 857), представляли из себя 9 статей, из которых информацию о церковных вопросах содержали три: 4-я — «Общественное благоустройство и благочиние», 6-я — «Народное образование», и 9-я — «Общие заключения и предположения» (ПСЗРИ II, т. 45, ч. 1, 859). При этом, судя по разъяснениям, 4-я статья не должна была содержать данных о раскольниках и сектантах (ПСЗРИ II, т. 45, ч. 1, 859), но, как будет показано ниже, черниговские губернаторы иногда вносили в отчетную документацию сведения о раскольниках, что можно, с одной стороны, трактовать как серьезность старообрядческого вопроса, а с другой — как влияние старой программы 1837 г., где в данную статью часто включались данные о старообрядцах.

6-я статья сообщала о числе духовных учебных заведений и обучающихся в них, а 9-я содержала информацию о религиозно-нравственном состоянии населения, значимых событиях, включая освящение памятников и зданий, а также сведения о богослужениях по случаю особых торжеств.

Конечно, большая часть статистической информации содержалась в приложении ко всеподданнейшему отчету, который теперь именовался обзором губернии. В него включались сведения, являвшиеся разъяснением или подтверждением того, о чем говорилось в самом отчете: в пункт о благоустройстве и благочинии добавлялись данные о расколе (хотя в отчете эти сведения, как было указано выше, не должны были фигурировать), а также сведения о многих других вопросах. Вдобавок обзор имел свое подробное приложение: как и в случае с программой 1837 г., им являлись статистические ведомости (ПСЗРИ II, т. 45, ч. 1, 862).

Следует отметить, что в данной статье рассматриваются только сами отчеты, поэтому ни обзоры, ни ведомости не вводятся исследователем в оборот.

Возвращаясь к обзору законодательных актов, следует остановиться на программе 1897 г., в которой нет четкого деления на разделы. В ней указывается, что губернатор должен сообщить в кратком и связном очерке без каких-либо подробностей, как отразился отчетный год на различных сторонах жизни губернии, включая народное образование и нравственность, о влиянии на это законодательных мер, а также указать важнейшие явления местной жизни, факты благотворительности и самоотверженной человеколюбивой деятельности губернских жителей. Кроме того, начальник губернии должен был сообщать о нуждах различных слоев населения и мерах по их удовлетворению, а также о сношениях по этому предмету с различными ведомствами, включая духовное (ПСЗРИ III, т. 17, ч. 1, 170–171). Таким образом, новый законодательный акт давал определенную «творческую» свободу администрации губернатора при подготовке отчета.

После обзора законодательной базы следует перейти к ситуации в самой Черниговской губернии. За период с 1881 по 1913 гг. губернаторский пост здесь занимали восемь человек. Сведения о церковной жизни за указанный период содержатся в отчетах пятерых из них: С. В. Шаховского, А. К. Анастасьева, Е. К. Андреевского,

Н. М. Родионова (единственного бывшего вице-губернатора Черниговской губернии), Н. А. Маклакова. Возможно, это говорит о том, что остальные трое (М. М. Веселкин, А. А. Хвостов, И. И. Стерлигов) не считали достойным внимания центральных органов власти сообщать о церковных вопросах, предоставляя эту миссию местному епархиальному начальству.

Упомянутые же пять губернаторов имели свои взгляды на религиозные вопросы, поэтому заслуживающим внимания представляется рассмотрение как тех пунктов в предоставляемых ими отчетах, которые совпадают, так и особенно тех, которые отличаются. Естественно, для разъяснения данного вопроса следует обратиться к самим текстам отчетной документации.

Первым из губернаторов, управлявших Черниговской губернией в указанный период, был С. В. Шаховской. Им подписаны отчеты за 1881–1883 гг. В связи с переводом в Эстляндскую губернию в 1885 г. он не предоставил отчет за 1884 г., представив только короткую его программу (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1885 г. Д. 189). Большое внимание им уделялось решению еврейского вопроса в губернии, с которым, в частности, связаны и приводимые им сведения о церковной жизни. Во-первых, это отражение ситуации 1881 г., когда после смерти царя Александра II на территории губернии прошла целая серия страшнейших еврейских погромов. Губернатор в этом случае для успокоения народных масс предполагал прибегнуть к помощи духовенства, которое, наравне с дворянством, не проявило не только сочувствия, но даже сожаления к потерпевшим, считая случившееся справедливым возмездием и возмущаясь лишь грубой его формой (РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. 1882 г. Д. 368. Л. 7 об. — 8). Продолжение этой мысли можно найти и в отчете за следующий 1882 г. Здесь при упоминании вредного влияния евреев на местное население пишется: «Христианское население в смирении ожидает от Вашего Императорского Величества великой милости — освобождения от этого иноплемennого ига» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1883 г. Д. 123. Л. 19).

Из других сведений, относящихся к церковной жизни, данный губернатор в отчете за 1883 г. упоминает только совершение литургии в кафедральном соборе по случаю коронации императора Александра III, сообщая, что стечение народа было настолько необычайным, что он заполнил всю соборную площадь (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1884 г. Д. 179. Л. 4).

То есть следует предположить, что губернатор считал нужным упоминать о церковных вопросах только в контексте светских торжественных событий или в контексте решения с помощью духовенства насущных проблем.

Совершенно другой подход был у его преемника — А. К. Анастасьева. Как человек, уделявший много внимания духовно-нравственному состоянию населения, он считал нужным упоминать о религиозных вопросах и в отчетной документации, иногда предоставляя в столицу отчеты с целыми вставками, приличные агиографическому жанру или текстам брошюр религиозно-нравственного содержания.

В первую очередь к приводимым им сведениям следует отнести вопрос о религиозно-нравственном воспитании населения. Так, причину бывших ранее беспорядков А. К. Анастасьев связывает не только с неприязнью к евреям и их вредным влиянием, но и с упадком в народе религиозного духа. Для поднятия этого духа он приказал внушать крестьянам, чтобы они в воскресные и праздничные дни непременно посещали храмы. Особо губернатор уделил внимание посещению церкви детьми, так как, по его мнению, религиозное воспитание молодого поколения составляет залог будущего счастья государства. В связи с этим он приказал сельским властям прямо требовать от родителей, чтобы они каждый раз посылали своих чад в церковь и чтобы в тех деревнях, где ее нет, деревенское общество снаряжало подводы для отправки детей к обедне в ближайшую церковь. На духовенство же губернатор возлагал функцию контроля за исполнением данного распоряжения (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1886 г. Д. 145. Л. 8–8 об.). Вопрос религиозно-нравственного воспитания поднимается А. К. Анастасьевым в контексте сведений о развитии школьного дела: он противопоставляет земским школам церковно-приходские, говоря, что они действительно

нужны народу, так как воспитывают молодое поколение в правилах любви к Богу, престолу и Отечеству, в твердой вере и чести (РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 485. Л. 274 об.). Это утверждение во многом переключается с той линией, которую проводил бывший тогда обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцев.

Сообщение о религиозном подъеме жителей Черниговской губернии находит место в отчете за 1889 г., где А. К. Анастасьев впервые в подобной документации поднимает вопрос о будущей канонизации свт. Феодосия (Углицкого). Он сообщает о том, что к нетленному телу святого, покоящемуся в Борисоглебском соборе Чернигова, стекаются толпы молящихся, о чудесных исцелениях и об обретении веры совершенно неверующими людьми возле гроба архипастыря. На основании приводимых им примеров губернатор ходатайствует о прославлении угодника Божия, говоря о том, что это общее желание, так как у тела покойного архиепископа служатся не только панихиды, но и молебны, что вновь свидетельствует о его почитании народом, в глазах которого он свят. Тут же А. К. Анастасьев говорит о пользе данного прославления для жителей Малороссии и особенно Черниговщины, где православие в течение долгого времени претерпевало гонения и где нет других святых мощей, а следовательно, единение всех во имя одной религиозной идеи особенно важно (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1890 г. Д. 248. Л. 6 об. — 7 об.).

Сменивший Анастасьева на губернаторском посту М. М. Веселкин, занимавший эту должность чуть больше года, в единственном предоставленном им отчете не сообщает о подобных вещах, но следующий губернатор Е. К. Андреевский продолжает линию Анастасьева. Как недавно вступивший в должность, в отчетной документации за 1894 г. он говорит о поразившей его религиозности черниговцев, которые ни одно дело не считают успешным, если оно не сопровождается молитвой. Делая «реверанс» епархиальному начальству, он пишет, что подобное настроение поддерживается высшим духовенством. Упомянув о важных и торжественных событиях, он говорит о двух факторах, сопутствовавших подобному религиозному подъему: праздновании в 1893 г. тысячелетнего юбилея Черниговской кафедры, а также пребывания в Чернигове нетленного тела архиеп. Феодосия. Вторя А. К. Анастасьеву, он говорит о важности его прославления, о чудесах, о народной вере в его святость, прибавляя к этому краткие сведения о жизни святого и о его кончине (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1895 г. Д. 199. Л. 2 об. — 4 об.).

О религиозно-нравственном состоянии местного населения Андреевский вспоминает при описании благотворительности и развития школьного дела. Так, опорой первой он видит в религиозности всех слоев населения (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1895 г. Д. 199. Л. 21). В сфере развития школ он особо уделяет внимание тому, что в каждой из них Закон Божий преподается священником, а ученики начинают каждое дело с молитвы, прибавляя к ней моление о здравии царской семьи (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1895 г. Д. 199. Л. 17 об.). Касаясь этого вопроса в отчете за 1896 г., он говорит, что губернское управление взялось за вопрос об обучении детей, обращая внимание главным образом на Закон Божий, Священную историю и на религиозно-нравственное развитие учеников (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1897 г. гр. Б. Д. 77. Л. 39), а в отчете за 1898 г. — что в земских школах стали тщательнее подбирать персонал, принимая на службу лишь тех, кто насаждает религиозно-нравственное воспитание в духе Православной Церкви, страхе Божиим и преданности помазаннику Божью (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1180. Л. 31). Продолжая тему народного образования, губернатор в 1899 г. уделяет внимание участию в этом деле епархиального ведомства (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 430. Л. 16).

Отдельной линией в отчетах проходит отношение к церковно-приходским школам земства: вражда между ними объясняется Андреевским неправильным пониманием земскими учреждениями интересов, преследуемых духовным училищным ведомством. Предлагается и решение данного вопроса путем совместной деятельности губернской администрации, Синода и Министерства народного просвещения (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1896 г. гр. Б. Д. 70. Л. 14; 1898 г. гр. Б. Д. 130. Л. 12 об.). При этом

наблюдаются и некоторые положительные моменты в подобных взаимоотношениях: например, сообщается, что в 1895 г. многие городские общественные управления, идя навстречу целям распространения церковно-приходских школ и ремесленных училищ, предоставляли в их распоряжение участки городских земель, а также обязались выдавать ежегодные денежные пособия на их содержание (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1896 г. гр. Б. Д. 70. Л. 15 об.), в 1898 г. 8 из 15 уездных земств ассигновали денежные пособия церковно-приходским школам в размере от 200 до 1000 руб. (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1180. Л. 31). В 1897 г. Губернский комитет попечительства о народной трезвости ассигновал в распоряжение архиерея 2000 руб. Благодаря добавлению к этой сумме 1800 руб. из сумм епархии и от Св. Синода были проведены 6-недельные курсы по обучению у приглашенного из Пензенской епархии учителя регентов для сельских церковных хоров. Обучение прошли 112 учителей церковно-приходских школ со всей губернии. На основании результатов этого предприятия губернатор предлагает периодически повторять проведение подобных курсов (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1898 г. гр. Б. Д. 130. Л. 7–7 об.).

Значение церковно-приходских школ и отсутствие разногласий между членами разных ведомств подчеркивались и при описании борьбы с расколом и сектантством, которой посвящено несколько страниц в отчетах за 1894 и 1897 гг. Кроме того, отсюда исследователь может узнать, что Стародубский уезд был в то время одним из центров старообрядчества в империи (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1898 г. гр. Б. Д. 130. Л. 13–13 об.), раскол здесь держался благодаря фанатизму раскольнических лидеров, а штундизм больше всего был распространен на фабриках, рабочие которых находились в чужой местности без духовного окормления. Одним из средств противораскольнической и противосектантской деятельности оказалась посылка Синодом образованных миссионеров для определения мер по борьбе с заблуждениями, что и было осуществлено в 1894 г. в Черниговской епархии (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1895 г. Д. 199. Л. 10 об. — 13).

Также важным средством борьбы с расколом представлялось открытие большего числа храмов в уезде и улучшение материального положения уже существующих, так как «посады и другие населенные пункты данного района до крайности бедны церквями и церкви в них до крайности бедны» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1898 г. гр. Б. Д. 130. Л. 14).

Вопрос о материальном положении духовенства упоминается и при описании в 1894 г. результатов назначения Александром III штатного содержания священникам. Благодаря этому повелению императора, согласно словам отчета, среди священнослужителей исчез старый тип священника: его заменил новый вид сельского священника-бессребреника, пользующегося безграничным влиянием на крестьянское общество, своими советами проводящего все доброе в сельской среде и являющегося истинным духовным отцом. Естественно, подчеркивается, что при таких условиях народ внимательно относится к пастырям, а также стремится обновлять и украшать храмы (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1895 г. Д. 199. Л. 9–10). Также отмечается деятельность Св. Синода, который дает многочисленные разрешения на открытие штатных священнических мест при бывших приписных церквях и на отпуск содержания пустующим приходом, где много лет не было своего священника. При этом утверждается, что даже остаток положения, при котором на два приходских храма приходится один священник, уже совершенно отжил (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1895 г. Д. 199. Л. 10). Священники же, в свою очередь, сильно радуются усилившемуся у народа в результате реформы продажи хлебного вина усердию к посещению храма (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1897 г. гр. Б. Д. 77. Л. 12 об.). Возможно, этот факт действительно имел место, так как после введения в империи монополии на продажу спирта уменьшилось количество питейных заведений, принадлежавших в Черниговской губернии, в основном, евреям. Их шинки считались рассадником преступлений и очагом безнравственности, а духовенство вполне естественно считало их главной причиной отсутствия на воскресных и праздничных богослужениях прихожан, которые вместо посещения церкви шли пьянствовать. Таким образом, резкое

сокращение количества таких заведений вполне могло стать причиной всеобщей радости черниговского духовенства.

Несколько раз в отчетах Е. К. Андреевского упоминается и деятельность духовенства. В первую очередь следует упомянуть про вставший в 1895 г. вопрос о благоустройстве кладбищ, на которых в то время производился даже выпас скота. Для их очистки, по мнению губернатора, необходим уход за могилами, а также благоговейное отношение к подобным местам. По данному вопросу губернское руководство связалось с епархиальным начальством, которое, в свою очередь, через благочинных приказало приходским священникам при произнесении проповеди напоминать прихожанам о необходимости содержать кладбища в надлежащем виде (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1896 г. гр. Б. Д. 70. Л. 20 об. — 21 об.). Кроме того, в отчете за 1896 г. говорится об устройстве духовенством при участии епископа Черниговского и Нежинского Антония (Соколова) духовно-нравственных бесед в Черниговском городском ночлежном приюте (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1897 г. гр. Б. Д. 77. Л. 40 об.), об участии священно- и церковнослужителей в работе комиссий по проведению всеобщей переписи населения (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1897 г. гр. Б. Д. 77. Л. 41 об.), в отчете за 1900 г. упоминается выдача каждому переселяющемуся в Южно-Уссурийский край (2126 человек) описания жизни свт. Феодосия, крестика, различных религиозно-нравственных брошюр, портретов императора и членов царской семьи, а также выдача на каждую семью Евангелия с молитвенником (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 542. Л. 28 об.). Отдельно в рамках описания благотворительной деятельности упоминается открытие в 1894 г. и работа черниговского отделения Императорского Православного Палестинского общества, председателем которого являлся Черниговский преосвященный (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1895 г. Д. 199. Л. 23 об.; 1897 г. гр. Б. Д. 77. Л. 40 об.).

Благотворительность на церковные нужды со стороны местного населения также отмечена губернатором в отчетах за 1896 и 1897 гг. Сообщается, что в 1897 г. при земледельческо-ремесленной исправительной колонии для несовершеннолетних на добровольные пожертвования построен храм во имя свт. Феодосия Черниговского, иконостас для него подарен обществом крестьян с. Душатино, а в самом храме из воспитанников составлен церковный хор (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1896 г. гр. Б. Д. 70. Л. 14; 1898 г. гр. Б. Д. 130. Л. 15 об. — 16), а в 1896 г. по случаю коронации Николая II многие жители в качестве жертвы «сооружали иконостасы, часовни, иконы свт. Николая и св. царицы Александры» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1897 г. гр. Б. Д. 77. Л. 20). Интересна благотворительная история, продолжавшаяся с 1894 по 1900 гг.: после смерти императора Александра III черниговцы стали собирать деньги на устройство иконы св. Александра Невского с целью размещения ее в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1895 г. Д. 199. Л. 24), в 1896 г. на оставшуюся от этого предприятия сумму была начата постройка больницы в память почившего царя (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1897 г. гр. Б. Д. 77. Л. 35 об.), а в 1900 г. совершены торжественная закладка и освящение церкви во имя свт. Феодосия при больнице в память Александра III с совершением молебна (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 542. Л. 28).

Кроме вышеперечисленных сведений в отчетах ежегодно появляются сведения об освящении различных зданий и совершении при этом богослужений с участием епархиального и викарного архиереев, а также местного духовенства: например, в 1894 г. епископом Новгород-Северским Птиримом (Окновым) было освящено общежитие Черниговской гимназии (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1895 г. Д. 199. Л. 16), в 1896 г. освящено здание женской гимназии в Глухове (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1897 г. гр. Б. Д. 77. Л. 18 об.), в 1897 г. местными архиереями в служении городского и сельского духовенства освящен памятник Александру II (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1898 г. гр. Б. Д. 130. Л. 16 об.), в 1898 г. освящена водонапорная башня в Чернигове (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1180. Л. 30).

Самым крупным упоминаемым событием во время управления Андреевским Черниговской губернией стало долгожданное обретение мощей свт. Феодосия и его канонизация в 1896 г. В связи с этим подробно описываются не только сами торжества,

но и подготовка к ним. Отдельно рассказывается об устройстве целого временного «городка свт. Феодосия», об обеспечении порядка, о происходивших чудесах, о стечении на праздник более 100 тыс. человек, про богослужение, совершенное митрополитом Киевским Иоанникием (Рудневым) в сослужении шести архиереев и сонма духовенства. Не были обойдены вниманием и неприятные стороны данного события: в толпе были задержаны 150 карманников, а более 20 человек из-за большого скопления народа помещены в психиатрическое отделение больницы с высшей степенью нервного расстройства (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1897 г. гр. Б. Д. 77. Л. 25–32).

Таким образом, деятельность духовенства освещалась Е. К. Андреевским весьма широко и в позитивном ключе, что может говорить о хороших отношениях между губернским и епархиальным начальством, о чем свидетельствует и сам губернатор в отчете за 1896 г. (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1897 г. гр. Б. Д. 77. Л. 42 об.).

Следующий губернатор А. А. Хвостов за три года управления Черниговской губернией в отчетной документации ни разу не упомянул о церковных вопросах. Бывший при нем вице-губернатором, а затем сменивший его на посту начальника губернии Н. М. Родионов, как в свое время С. В. Шаховской, упоминает о церкви только в контексте описания революционных событий в отчете за 1906 г., говоря, что местные сельские пастыри, боясь за свое существование и имущество, не произнесли ни осуждающего, ни ободряющего слова, оставаясь безмолвными свидетелями совершавшихся событий (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 52. Л. 118 об.). Также он сообщает о революционном брожении в Черниговской духовной семинарии, что выразилось в участии учеников в уличных демонстрациях, битье стекол, утвари и угрозах начальству, а также о привлечении некоторых семинаристов к дознаниям за антиправительственную агитацию в селах и участие в незаконном союзе воспитанников семинарии (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 52. Л. 125 об.).

Сменивший Родионова на этом посту Н. А. Маклаков изначально также подошел к использованию сведений о церковной жизни с практической точки зрения. В отчете за 1908 г. он описывает Спасо-Преображенский собор XI в. с покоящимися в нем мощами свт. Феодосия, противопоставляя это величие бедности губернского центра. Все это умело подводится к мысли о необходимости проведения через город железной дороги, что увеличит его доходы, в числе прочего дав «городу не один десяток тысяч богомольцев» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1909 г. Д. 78. Л. 3 об.). Возможно, Н. А. Маклаков здесь следует требованию 1898 г., упомянутому исследовательницей Н. П. Дятловой, на основании которого губернатор должен был указывать в отчете источники местных доходов [Дятлова, 1964, 234]. Причем подобная линия не мешает ему упоминать при описании посещения им успешной артели кустарей-сапожников с. Легок совершение молебна о здравии императора в чистом храме, при отличном пении большого хора, а также о том, что сами жители с гордостью показывали благолепие своего храма и радовались большому количеству учащихся детей (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1909 г. Д. 78. Л. 9). Говоря же о настроениях населения губернии, Н. А. Маклаков пишет, что во время объезда посещал сельские церкви, где совершались молебны о здравии императора, а при разговорах с пожилыми людьми было заметно, что в крестьянах жива вера в Бога (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1909 г. Д. 78. Л. 15).

Правда, следует отметить, что за последующие три года он упомянул о церковных вопросах лишь однажды: в отчете за 1911 г. в связи с реформированием епс.мч. Василием (Богоявленским) епархиального братства св. Михаила, князя Черниговского. Губернатор счел необходимым уделить внимание целям братства, его организации, а также успехам в сфере благотворительности, религиозно-патриотического воспитания и борьбы с народными пороками (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1914 г. Д. 39. Л. 27–28).

Таким образом, следует отметить, что за период с 1881 по 1913 гг. в отчетах о состоянии Черниговской губернии затрагиваются следующие темы, заслуживающие внимания исследователя истории Русской Церкви: религиозно-нравственное воспитание местного населения, развитие церковно-приходских школ (в период обер-прокурорства К. П. Победоносцева), благотворительная и иная деятельность духовенства,

работа церковных благотворительных организаций и влияние религиозности населения на дело благотворительности, различные торжества, среди которых освящение памятников и зданий, совершение богослужений, открытие мощей свт. Феодосия Черниговского, участие или неучастие духовенства в революционных событиях и потрясениях, борьба духовенства с расколом и сектантством, а также некоторые вопросы, связанные с деятельностью епархиального начальства, такие как очистка и благоустройство кладбищ и реформирование епархиального братства.

В целом, большее внимание церковным вопросам уделяется губернаторами в первых предоставляемых ими отчетах, когда они кладут на бумагу свои «первые впечатления» о губернии. Кроме того, следует отметить, что отражение находят, в основном, те вопросы, решение которых требовало участия губернского начальства. Отдельно необходимо указать на то, что упоминание церковных вопросов в отчетной документации напрямую связано с личностью губернатора, предоставляющего ее. Объективность же данных упоминаний и реальность описываемых событий остаются сомнительными, так как противоречат статистике, предоставляемой епархиальным начальством. Например, следствием введения штатного содержания священникам в отчете объявляется исчезновение образа старого пастыря-вымогателя, но, судя по жалобам прихожан, поступающим в синодальную канцелярию, за один год можно зафиксировать более 10 случаев вымогательства священнослужителями денег за требы. Соответственно, епархиальное начальство ежегодно получало намного больше подобных прошений об удалении или наказании местного священника за указанное деяние.

Кроме того, губернатор Е. К. Андреевский упоминает, что ситуация с окормлением одним священником двух приходов осталась в прошлом. Если говорить об официальной статистике, то, действительно, редки случаи, когда тот или другой приход оставался без своего места, но произошло это благодаря их сокращению за счет приписки значительного количества церквей к другим приходам на основании Высочайше утвержденного 19 января 1876 г. расписания приходов. В результате к 1894–1895 гг. количество приписных церквей в Черниговской епархии составляло около 10% от их общего числа. В отчете о состоянии епархии за 1895 г. еп. Антоний (Соколов) сообщает, что в епархии 75 таких церквей (большая часть в северных уездах губернии), почти в каждом приходе г. Стародуба есть приписная церковь, из-за чего каждый приход становится громадным (иногда от 3 до 5 тыс. и более душ). При этом большая часть приходов — однопричтовые, что в совокупности с вышеописанным укрупнением не дает священникам выполнять все свои обязанности по отношению к прихожанам (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1601. Л. 20 об. — 21). Иными словами, недостаток в членах причта, действительно, не было, но был недостаток в приходах, а следовательно, в количестве самих причтов.

Таким образом, целый ряд оптимистических оценок начальника губернии не находит подтверждения в отчетах черниговского епархиального преосвященного, но рассмотрение данных разночтений не входит в область данного исследования. Изучение этого вопроса является темой отдельного исследования.

Источники и литература

Источники

1. ПСЗРИ. II — Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе: в 55 т. Т. 12. Отделение первое; Т. 45. Отделение первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838, 1874.

2. ПСЗРИ. III — Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье: в 33 т. Т. 17. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1900. 730 с.

3. РГИА — Российский Государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1601; Ф. 1263. Оп. 4. Д. 52; Ф. 1276. Оп. 17. Д. 485; Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1180; Оп. 3. Д. 430, 542; Ф. 1284. Оп. 70. 1882 г. Д. 368; Оп. 194. 1909 г. Д. 78; 1914 г. Д. 39; Оп. 223. 1883 г. Д. 123; 1884 г. Д. 179; 1885 г. Д. 189; 1886 г. Д. 145; 1890 г. Д. 248; 1895 г. Д. 199; 1896 г. гр. Б, Д. 70; 1897 г. гр. Б. Д. 77; 1898 г. гр. Б. Д. 130.

Литература

4. Дятлова (1964) — *Дятлова Н.П.* Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. Материалы научной конференции архивистов Ленинграда. 4–6 февраля 1964 г. Л.: Наука, 1964. С. 227–246.